

Впечатлѣнія.

(Отъ нашего корреспондента).

I.

Словно картины старыхъ англійскихъ мастеровъ—озера, огромные дубы, синее небо, облака, холмы Полѣсія—медленно проплывали за окномъ. Осенній воздухъ прозраченъ и мягокъ. На поляхъ копаются женщины, одѣтыя пестро. Вчерашняя суета кievскаго вокзала, унылые, не нашедшіе мѣсть пассажиры — все это улеглось, отошло далеко. Мы несемся въ зеленомъ, спокойномъ, какъ бы заснувшемъ царствѣ. Спутники мои — шесть только что выпущенныхъ артиллерійскихъ офицеровъ—никакъ не могутъ сознать, въ этой тишинѣ, что уже недалеко, за лѣсами, режутъ шесть тысячъ пушекъ, бьются два милліона людей — совершается, (почти совершилась) величайшая трагедія.

Шесть офицеровъ, наголо бритые, высокіе и стройные, совсѣмъ юноши, рассказываютъ о своихъ училищныхъ дѣлахъ, о любимой лошади, о свирѣломъ преподавателѣ, о какомъ-то таинственномъ числѣ 4711, очевидно, очень смѣшномъ, но за поминаніе котораго одного юнкера посадили въ карцеръ; юноши хорошіе, воспитанные и скромные; ложась спать, одинъ спросилъ меня — можно ли ему снять рейтузы. Я сказалъ, что можно, онъ поблагодарилъ очень и, съ удовольствіемъ завернувшись въ пледъ, заснулъ сейчасъ-же. Съ ними-же ѣхалъ не старый, но матерый, раненый въ японскую войну, ротмистръ. Опираясь на колѣно, сдвинувъ картузь, онъ громко и опредѣленно рассказывалъ невѣроятныя исторіи. Офицеры слушали, разинувъ рты, затѣмъ хохотали, ротмистръ выкатывалъ глаза и клялся. На станціяхъ они вырыгивали изъ вагона, питались какими-то сладкими пирожками; одинъ, чернобровый, ободряемый товарищами, влюбился въ дѣвушку изъ сосѣдняго вагона, говорилъ ей комплименты, стоя на площадкѣ, на вѣтру, подбоченясь и покачиваясь. Дѣвушка, должно быть, давно уже ожидала, когда онъ въ нее влюбится, потому что, смущаясь, отворачиваясь, придерживая летящіе на вѣтру волосы, страшно много и живо о чемъ-то ему наговорила.

Только при упоминаніи о войнѣ, о раненыхъ, да при нѣкоторыхъ кровавыхъ разсказахъ ротмистра — юноши становились серьезными, но не на долго, слишкомъ много въ нихъ было жизни, силы, молодости. Втерпѣйся—было въ ихъ компанію тюремный чиновникъ началъ рассказывать анекдоты, но его тотчасъ одернули — все сомнительное было неумѣстно. Они ѣхали дратся весело, радостно, съ чистымъ сердцемъ, никто изъ нихъ не упомянулъ о предстоящихъ подвигахъ, быть можетъ, каждый и мечталъ о нихъ, но втихомолку. Такъ неожиданно прекрасно отразился въ этихъ шести юношахъ-офицерахъ великій трагическій духъ, поднявшій всю Россію на бездрымѣрную войну.

Гр. Алексѣй Н. Толстой.